

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2019

№ 50

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта	5
Берестов И.В. Дополнение аргументационных структур объективацией дискуссий	21
Ефимов И.П., Ладов В.А. Концепция нейтрального монизма в контексте дискуссии реализма и антиреализма	30
Оболкина С.В. Кибертекст как экспериментальная онтология	38

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Grincevičienė V., Barevičiūtė J., Asakavičiūtė V., Grincevičius J. Inclusive Education as a Value: Philosophical and Socio-educational Approaches	47
Долгих А.Ю. Кардинальные версии будущего: опыт систематизации футурологии	55
Мелик-Гайказян И.В. Ошибки трактовок концепта «событие» в педагогических исследованиях	65
Самофалова Е.И. Методология анализа образовательной миграции в социальной философии в отечественной мысли	75
Старикова Е.В. Бремя труда, или Как не надо работать	88

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Гашков С.А. Эволюция философского концепта необходимости: от Фуко до Мейясу. Интертекстуальный анализ	101
Митина Н.Г. Символ Троицы в русской философской утопии (Дм. Мережковский и Д. Андреев)	110
Чернюкутов Ю.Ю. Развитие теоретических и терминологических оснований семантики в логике и философии XIX века	117

СОЦИОЛОГИЯ

Данилова З.А. Экологические риски на побережье озера Байкал	137
Карепова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В., Тихомиров Д.А. Коррупция и противодействие коррупции в восприятии российской молодежи: опыт фокус-группового исследования	146
Рахманов А.Б. Социальная мобильность в царстве Марса: Российская императорская армия в 1912 году	162

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирюков С.В., Кисляков М.М., Чирун С.Н. Политический маркетинг: к модернизации концепта, его методологических и политико-технологических оснований	187
Соловьёв А.И. Политическое «разрушение» государственности, или «Ноев ковчег» постсовременности	200
Фельдман П.Я., Федякин А.В., Ежов Д.А. Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках семантической определенности	210
Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности	219

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Борисов Е.В. Является ли парадокс Ябло автореферентным?	233
Доманов О.А. О самореферентности парадокса Ябло	245
Ладов В.А. Лжец без автореферентности	249
Нехаев А.В. Парадокс Ябло и <i>circulus vitiosus</i> : зачем лгать о себе самом, когда можно лгать обо всех остальных?	255
Суворцев В.А. Парадокс С. Ябло, автореферентность и математическая индукция	262
Борисов Е.В. Ответ оппонентам	269

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	272
---------------------------	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/50/1

А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК МЕТАФОРА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА¹

Обращаясь к изучению новых социальных движений, авторы задаются вопросом о причинах, последствиях и значении современной интенсификации новых социальных движений (New Social Movements), реконструируют сетевые механизмы, которые позволяют новым социальным движениям принимать и согласовывать коллективные решения, используя ресурсы так называемого «искусственного интеллекта».

Ключевые слова: протест, новые социальные движения, системно-коммуникативный подход, искусственные нейросети, коммуникация.

Введение

Наиболее известными и влиятельными новыми социальными движениями (НСД) на сегодняшний день можно считать такие движения, как антивоенное и пацифистское, ЛГБТ, глобальные антикапиталистические (Оссиру) движения, Black lives matter, желтых жилетов, феминизм, движение за права животных и т.д. (реестр и принципы классификации см.: [1]).

Социальные сети выступают сегодня неким суперсубъектом, который использует ряд программных нейронно-сетевых механизмов, очень похожих и на искусственные, и на естественные. Эти механизмы состоят в способностях оценивать *значимость* и *вес* тех или иных релевантных для запуска несетевого активности событий, триггеров и процессов. Речь прежде всего идет о степени обсуждения и освоения той или иной протестной темы, об оценке ее зрелости, достаточной степени ее «возмутительности», пределов (не)терпения властных органов, оценке ее (не)готовности или (не)способности на силовые реакции [2]. Все это в совокупности учитывается движениями в процессе калькуляции при принятии решения о проведении несетевого протестного выступления (митинга, шествия, схода, акции неповиновения, пикета), без того чтобы была явно определена конкретная инстанция, выносящая решение о дате и месте несетевых выступлений.

Именно с этими новыми формами сетевой мобилизации, сетевого рекрутирования и, прежде всего, сетевого исчисления «шансов на успех», видимо, связаны новейшие протестные выплески (Арабская весна, киевский «Май-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках работы над проектом № 17-78-10238 «Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ».

дан» 2013 г., движение Indignados в Испании, американское движение Occupy Wall-Street, протестное движение в России 2011–2013 гг.), приведшие в ряде случаев к смене политических систем.

Такой успех, очевидно, был невозможен для классических НСД (если не считать единичных случаев относительных электоральных побед экологических движений, прежде всего в ФРГ). Сегодня, благодаря соцсетям, НСД удается отчасти компенсировать те недостатки, которые были связаны с отсутствием центральных структур управления, и при этом они смогли сохранить свои прошлые преимущества, силу и влияние, проистекавшие из их независимости от харизматических лидеров и от чрезмерно обязывающих формальных правил партийного членства и других форм организационной бюрократии. Именно эта «автономия» и обуславливала неуничтожимость и вездесущность этой новой формы социальности. Ведь ее не уничтожить путем (1) роспуска протестной организации или (2) нейтрализацией (подкупом, физическим устранением, переубеждением, устрашением) харизматических лидеров, она обезопасила себя и от (3) отчуждения, связанного с боссизмом, непотизмом, элитарностью, и других следствий коммуникативной замкнутости управленческих структур классических политических партий или профсоюзных организаций.

Итак, получив новые преимущества и компенсировав старые недостатки, сетевая машина протеста приступила к действиям.

От анализа сетевого протеста к социально-сетевым интерпретациям НСД

Научная литература о протестах необъятна, результаты исследований НСД институционализировались как в виде теоретических курсов в ведущих мировых университетах, так и в виде ридеров и хрестоматий. К тематике протеста привлечено внимание ведущих социологов и теоретиков первого уровня, посвятивших этому тематические монографии; возникли и уже вошли в первые кварталы ведущих баз цитирования специальные журналы, посвященные данной теме. Впрочем, и число подходов к проблеме НСД невозможно ограничить небольшим списком, поэтому остановимся лишь на нескольких.

Так, структурно-критический подход настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе [3. Р. 749–787; 4; 5. Р. 817–867]. В системно-коммуникативном подходе функция протеста усматривается в компенсации социальной дезинтеграции [6, 7].

В этих подходах протест представлял некоей особой (слабо организационно оформленной, горизонтально объединенной, ризомообразной, децентрализованной) коммуникативной практикой. Такая активность достаточно прозрачна для наблюдателя-теоретика, так как она основывается на допускающем теоретическую реконструкцию ценностно- и целерациональном дискурсе, а значит, предсказуема в своих реакциях на политическую и общественную жизнь (на разного рода «возмутительные» решения или недостаток внимания к социальным и экологическим проблемам со стороны макросистем, а также на структурную разбалансированность общества).

Однако новый – *сетевой контекст изучения протеста* – по-видимому, настолько сильно отдифференцировался от остального, несетевого общества,

что в своих флуктуациях сетевой и не-сетевой активности зачастую не попадает в такт колебаний с «несетевым» обсуждением¹.

Социально-теоретический анализ сетевого протеста пока только нащупывает свой объект. Даже наиболее маститые теоретики сетевого активизма, такие как М. Кастельс, обнаружили и признали неадекватность своих понятийного аппарата и методологии для анализа протестных выступлений, прокатившихся по всему миру в 2000-х гг., не сумев приложить их в качестве объяснительного инструментария. Тем не менее такие попытки предпринимаются и дают возможность сделать некоторые теоретические выводы и проанализировать ряд ключевых понятий.

Сегодня в рамках сложившейся уже традиции анализа социальных сетей как мотиватора организации протестного активизма выкристаллизовались понятия «сетевая проводимость», «каскадный эффект» [8], а также «структурные разрывы», «сетевые мосты» и «информационные брокеры». Эти понятия позволяют описать и реконструировать модели циркуляции и диффузии протестно-релеватной информации и механизмы функционирования (координации и субординации) протестных сетевых ризоматических сообществ, условия «сетевой мобилизации», делающей возможной в определенный период и «несетевую мобилизацию» [9].

Одна из ключевых идей этого анализа в том, что старые основания рекрутирования и инклюзии в протестное сообщество (групповая идентичность, групповая протестная идеология) утратили значение. Взамен возникли механизмы сетевой персонализации, основанные на личном выборе, что сделало возможными новые, более гибкие, свободные, доступные и демократичные критерии инклюзии в сетевое протестное сообщество [10].

Так, анализ сетевой структуры протестного движения Indignados в Испании, движения Occupy Wall-Street, а также кампаний по гражданской самоорганизации в России и Германии («Окупай Абай», кампании по «захвату университетов» в Германии) выявил специфические черты некоего «мягкого лидерства» [11].

В то же время социальные сети пока еще не интерпретируются как субъекты нового типа, как аналоги индивида, облеченного хотя бы некоторыми функциями или аналогами сознания, а значит – способного воспринимать сенсорные импульсы из внешнего (несетевого) мира, процессировать эти импульсы в своей квазинейронной сети и принимать решения и реализовывать моторные функции в виде несетевой активности (митинги, электоральное поведение, акции неповиновения и т.д.).

Новые условия сетевой инклюзии в протестное движение

М. Кастельс [12. Р. 43–47], В. Беннет и А. Зегерберг [10], исследуя социально-сетевую специфику протеста, усматривают основное функциональное значение сетей в децентрализации протестного движения. И именно эта де-

¹ Так, нам кажется, что федеральные каналы «замалчивают» актуальную повестку. И хотя это действительно так, проблема лежит гораздо глубже. Несетевые массмедиа просто иначе устроены, а их архаический синтез одновременного *оптико-акустического образа реальности* (= говорящей картинки), хотя (именно поэтому) и приковывает внимание зрителя, однако не дает ему права на участие в свободном конструировании обсуждаемой темы.

централизация, как замечают исследователи, имела «роковое» значение для ключевой коммуникативно-политической асимметрии, отвечающей за социальный порядок – дистинкцию *элита / массы*¹.

М. Кастельс [12] разрабатывает многосоставное понятие сетевой власти: «остевляющая власть» (власть членов сетевого сообщества над теми, кто не включен в сообщество); «сетевая власть» (определяющая правила сетевой коммуникации для включенных в сетевое сообщество); «осетевленная власть» (власть одних членов сетевой коммуникации над другими); «сетегенерирующая власть» – власть людей, создающих и программирующих принципы коммуникации сетевых сообществ («сетевых социальных движений»). Но эта сложная классификация и выстроенная на ней реконструкция модели управления сетями не дают объяснения ни внезапному началу «Арабской весны», ни протестным выступлениям 2010-х гг. на Украине, в США, России и Франции, но лишь предлагают тривиальное объяснение ссылкой на новые медиаусловия протеста².

Беннет и Зегерберг [10], изучая испанское протестное движение «Индигнадос», обращают внимание на то, что утратили силу традиционные условия рекрутирования и инклюзии в те или иные группы или члены организации (прерогативы членов организации по сравнению с не-членами, соблюдение принципов и уставного порядка группы, активная акцептация и защита групповой идентичности и групповой идеологии). Теперь же принцип инклюзии зависит от процесса персонализации³, т.е. от *личного выбора* индивида как последнего, совершенно нового, гибкого, свободного, доступного и демократичного критерия инклюзии, заменившего в социальных сетях формально-организационные принципы членства.

Отсюда проистекает идея возвращения индивиду его значения, утраченного в коммуникативных макросистемах, основанных на обобщающих индивидуальные особенности символических медиа коммуникативного успеха (власти, деньгах, вере и т.д.).

П. Гербодо, исследуя сетевое протестное движение «Окупай Уолл-Стрит», утверждает, что речь идет не о без-лидерных коммуникациях, а о некой «подвижной организации и хореографическом лидерстве» [11. Р. 143]. Отсюда можно сделать тот же вывод о «новой инклюзии» с функцией «облегчения информационного потока», образования «информационных каскадов» путем «синергии с новыми медиа»⁴. Эти «интерактивные» и «партиципативные» медиа (т.е. социальные сети) существенно отличны в их потенциале «сетевой мобилизации» от безличных, бесстрастных и безучастных и формализованных медиа традиционных политических, хозяйственных, образовательных, религиозных и иных коммуникаций (власти, денег, веры и т.д.).

¹ «Горизонтальность социальных сетей поддерживает кооперацию и солидарность, одновременно подрывая необходимость формального лидерства» [12. Р. 274].

² «Сила образа – абсолютна. Ю-тьюб был, возможно, одним из наиболее мощных мобилизующих инструментов... Особенным смыслообразованием обладают образы силового подавления протеста полицией» [Там же. Р. 224].

³ «Люди должны показывать друг другу как они [лично] усваивают, формируют и разделяют [протестные] темы... Эти технологии... зачастую подменяют механизмы организации [Там же. Р. 744].

⁴ См. также о позитивном влиянии сетей на процесс принятия коллективного решения по поводу участия в несетевом протесте в Египте: [9. Р. 363–369].

Теория и практика сетевого протеста

Всякая коммуникация, и социально-сетевой протестный активизм в частности, в той или иной степени выступает ответом на соответствующие внесетевые факторы и триггеры. Вместе с тем внутрисетевые механизмы, с одной стороны, делают возможным повышение «весов» и значений внесетевых причин, получивших обсуждение и раскрутку в социально-сетевом обсуждении. С другой стороны, и сами сетевые процессы (создания групп, публикация статусов, оценки и дальнейшие трансляции информации (лайки и в особенности shares)) могут быть автономными, внутренними факторами активации, дополнительного возбуждения и поддержания этих состояний возмущения, алармизма, только интенсифицирующихся в ходе социально-сетевых обсуждений.

Анализ сетевых обсуждений позволил бы решить главную проблему протеста: *теоретическое* объяснение того, каким образом сетевые сообщества способны координировать активность (сетевую, но прежде всего результирующую несетевую), которая, как теперь принято считать, не направляется из «центральной позиции», не иерархична, не подчинена влиянию харизматического (и тем более формального) лидера, но тем не менее управляет и направляет действия огромной массы людей. Как возможно коллективное действие в новых условиях?

Одним из ответов явилась попытка реконструировать активность социальных сетей по аналогии с органическими формами жизни, развивающимися в себе структуры, специализирующиеся на передаче информации (нервные системы организма) [13, 14]. В других интерпретациях исследователи, скорее, склонны использовать метафоры и аналогии с механическими или электродинамическими явлениями. Так, появление интернет-сетей дает жизнь новым понятиям: «каскадный эффект», «сети-проводимость» [8], и при этом доказало плодотворность ряда понятий («структурные разрывы», «мосты», «информационные брокеры»), возникших в рамках досетевых подходов к анализу протеста [15, 16] и применяемых к «несетевой протестной мобилизации».

Принципы моделирования сетевой активности

Итак, мы видим довольно много попыток теоретически истолковать протест как специфический феномен цифровой эры с помощью рассуждений о новых медиа и их более эффективных «мобилизационных свойствах». В этих объяснениях, однако, не хватает теоретического моделирования функционирования сети. Такая модель должна была бы объяснить, как свойства и функции по облегчению диффузии информации связаны с тем, что эта диффузия автономно от центральной инстанции, принимающей решения, обеспечивает процесс согласования коллективного действия.

Данная модель должна, кроме прочего, предметно зафиксировать исследуемый феномен, и прежде всего определить его пространственно-временные границы. Представляется очевидным, что речь может идти как минимум о некоторой внешней и внутренней пространственной границе сетевого протеста. Должны быть, с одной стороны, выявлены параметры глобальной общемировой сети, охватывающей национальные протестные сообщества и сети протестных сообществ (в Фэйсбуке, Твиттере, Инстаграмме). С другой сто-

роны, следует зафиксировать входящие в эту сеть конкретные минимальные локальные сообщества, или «узлы общения» (тематические группы, национальные конкретные сети и менеджеры, позиции участников (блоги), группы сообщений (например, по хэштегам), тематически объединенные структуры обсуждения (форумы и т.д.)). Только после того, как будет создан реестр протестных сообществ, можно взяться за выявление динамических (временных) характеристик и переменных, таких как характер течения информации (скорость сообщений и распространения информации, направление ее диффузии, охват участников, интенсивность (частота) обсуждения, диссипативность потоков), применительно к выделенным «пространственным» структурам. Пока такой глобальной работы не проведено, но тем не менее есть исследования, которые описывают первый уровень сети, фиксируя ее глобально-«пространственные» характеристики.

Так, Д. Изли и Дж. Клейнберг [17], характеризуя первый, глобальный уровень сети, вводят понятие «ткани сети», которая характеризует меняющейся плотностью общения и периодическими «структурными разрывами» в ткани сетей. Такого рода разрывы создают эффекты «бутылочных горл» и «сетевого сопротивления» коммуникативным потокам, в результате чего коммуникация замыкается внутри сообществ, не выходя за их пределы.

Это «сетевое сопротивление» обусловлено рядом тормозящих факторов, связанных с тем обстоятельством, что несетевой «внешний мир» и в сетевых условиях остается «каузальным фактором», а значит, требует от «втянутых в протестную сеть» индивидов в своей несетевой активности отвлекаться от своих мониторов, хотя бы для получения «энергии», необходимой для функционирования в сети (включая сюда и оплату Интернета, и обеспечение «свободного времени»). Да и сами индивиды, в свою очередь, являясь «внешним миром» для сетевой (как и для любой другой) коммуникации, все-таки не перемещаются в сеть, а выступают всего лишь в качестве неких «информационных стрелочников», «проводников», «транзисторов» (а иногда и «резисторов») сетевой коммуникации [17. Р. 11]. В том смысле, что «возбуждающий сигнал» на них либо заканчивается, либо продолжается, либо усиливается и веерно расходится по другим сообществам. Однако – по означенным выше причинам – они во всей своей массе все-таки не в состоянии функционировать как информационные брокеры (см. ниже), т.е. целиком и полностью сосредоточиваться и специализироваться на *функции связи разорванных или разомкнутых сообществ*.

Кроме того, и другие коммуникативные системы (политика, экономика, наука, религия, семья, образование), с одной стороны, провоцируют сетевую активность, оформляя ее условия и генерируя важные несетевые события-триггеры сетевых обсуждений («поражающие права» политические решения, организация антиэкологического предприятия, разработка продуктов с ГМО, дискриминирующее распределение ролей в семье), но, с другой стороны, могут тормозить сетевую циркуляцию и «раскрутку» протестной темы.

Очевидно, что для преодоления внешних и внутренних факторов «сетевого сопротивления» требуются дополнительные усилия, энергия и работа,

¹ Большой вопрос,отреагирует ли и поддержит ли влиятельный информационный брокер, например преподаватель вуза, ведущий блог и симпатизирующий протесту, протестующего студента своим сетевым постом.

на которой, собственно, и специализируются индивиды (а подчас и сообщества, ведущие блог влиятельного актора), которых мы обозначили как *информационных брокеров*. На втором уровне как раз и могут быть определены отдельные позиции важнейших сетевых акторов, информационных брокеров. Именно благодаря этим сетевым «лидерам» информация курсирует и может преодолевать разрывы и области большого сетевого сопротивления.

Рабочая гипотеза: сетевая модель протестной коммуникации

В ходе данного исследования, как часто бывает, приходится иметь дело с некоторой эмпирической (феноменологически фиксируемой и хорошо визуализируемой) протестной активностью: митингами, акциями, требованиями, объектами протеста и т.д. С другой стороны, постулирование как несетевых (внешнемировых), так и внутрисетевых факторов (механизмов активизации возбуждения и алармизма вокруг протестной темы), которые, в свою очередь, являются причинами сетевой коммуникации (двойная каузация!), является в высшей степени гипотетическим и однозначно эмпирически не подтверждается, но может быть «проявлено» путем экспертных оценок и опросов.

Представим гипотетические внешние факторы протестной активности, которые «лежат на поверхности»: (1) социально-экономические (бедность, отсутствие социальных лифтов, профессиональная невостребованность, в том числе в силу «отмирания» профессий, недостаточной образованности, дискриминация при трудоустройстве и т.д.); (2) культурно-религиозно-этнические; (3) коммуникативные (специфическая среда общения, эксклудированность из традиционных кругов как условие инклюзии в протестные группы); (4) когнитивные (образование, специфическая восприимчивость к страданию другого и «этике долга»); (5) психо-эмоциональные (в том числе агрессивность, эмоциональность, особенности психотипа); (6) травмирующая память (память о трагедиях, вина за которые приписывается властям).

Наряду с этими «долгоиграющими» причинами особое значение имеют и начальные импульсы протестной активности, задаваемые несетевыми событиями. Прежде всего это политические, экономические, правовые решения, воспринимаемые как дискриминирующие или поражающие в правах.

При этом *внешние* факторы не могут быть целиком определены в своем значении (весе) сами по себе, а определяются своей связью с другими. Скажем, психологическая лабильность и психоэмоциональная неустойчивость, возможно, приведут к тому, что больший вес получат травмирующие факторы социальной памяти. Или более высокий уровень образования и культуры, как правило, связан с более критической оценкой (практически любых) действий власти, а также большим весом «морального долга» участия в протестной активности.

Трудность в том, что внешний вес внешнего фактора должен сочетаться с внутренним весом его «внутрисетевой» рецепции. Один и тот же фактор, имеющий большой вес сам по себе, вне обсуждений социальной сети (например, личное сопереживание трагедии), будет иметь меньший вес, если свою визуализацию он получит в виде «малозначимого» внутреннего события (например, информации или сетевого «приглашения» на митинг от *незнакомого* лица). И наоборот, малозначимое внешнее событие, будучи рас-

крученным и получившим резонанс в сети, многократно одобренное (likes), распространенное (shares) и откомментированное большим числом близких друзей, получает гораздо больший вес¹.

Социальная сеть как форма искусственного интеллекта

Уже на этом уровне анализа предложим некоторую упрощенную метафору протестной сети как квазиискусственного интеллекта. После того как внешние центры ирритаций получили свои значения (применительно к разным сообществам), можно было бы зафиксировать реестр специфических «нейронов», квази«синаптически» связанных с центрами обсуждения (социально-сетевых форумов, блогов, сайтов, сетевых групп), возбуждаемых или активируемых внешними ирритациями и, в свою очередь, получающих определенный вес (влияние), который в значительной степени не зависит от обсуждаемой в этой группе «внешней протестной темы».

Тогда в качестве синаптических механизмов, обеспечивающих активацию определенных комбинаций (асамбляжей) «нейронов» (центров обсуждения протестных тем), могут выступать *ивенты*, как известно, имеющие три уровня интереса, или веса (заинтересован, нет, участвую), комментарии (с позитивными, негативными, нейтральными весами), shares (с личным комментарием или без него), likes (с еще более дифференцированными уровнями активности связи или реакции на осветвленное событие: dislike, возмущение, симпатия), публикация новости, фото, видеозаписи, музыкального произведения (особенно специфически протестных стилей рэп, хип-хоп), создание группы, вхождение в группу, приглашение группы и т.д.

Интенсификация всего этого многообразия реакций на осветвленное событие и запускает механизмы «возбуждения» связанных нейронов (групп, форумов, чатов и т.д.). Формальным символом, или маркером, активируемых ансамблей (синаптически связанных центров обсуждения) выступает хэш-тэг (но, очевидно, он не всегда маркирует протестное обсуждение).

Нейронно-сетевые слои²: стадии сетевого восприятия, коммуникации и моторных функций

Как могут выглядеть в таких случаях формирующиеся нейронные слои?

Первый слой, очевидно, включает в себя *непосредственную* сетевую реакцию (квизисенсорный уровень) на внешнесетевые события (политические коллективно-обязательные решения и т.д.). Эти реакции довольно многообразны, но все-таки формально предстают, как правило, в виде обнаружения релевантного события в сетевых новостях и комментариях к нему, публикации поста (статуса) или ссылки на событие.

Второй слой, т.е. *реакция на реакцию* на несетевые события, еще не предполагает развернутой сетевой коммуникации, скорее, является неким «восприятием чужого восприятия». На этом этапе как бы регистрируется

¹ Это указывает на сложную связь между внешним и внутренним представлением события, или, на языке системно-коммуникативной теории, показывает механизмы осцилляции между самореферентностью как следствием инореференции и инореференцией как следствия самореференции.

² Мы говорим здесь об идеальных типах, т.е. абстрактных этапах сетевой активности, в реальности, безусловно, перемешанных. Так, для кого-то коммуникативное обсуждение уже состоявшихся несетевых реакций – акций, митингов – становится лишь первым этапом восприятия новости.

факт восприятия новости: путем одобрения или неодобрения (*likes*), путем дальнейшей трансляции (*share*), новость можно «вывесить на стену» другого члена группы или сообщества. Но уже на этом уровне, или этапе докоммуникативного сетевого восприятия, могут запускаться процессы рекрутирования в группу и образование коммуникативной системы протеста.

Наконец, *третий* – коммуникативно и интегративно значимый – *нейронный слой* включает активное обсуждение в виде разветвляющейся последовательности комментариев, создание тематических групп, создание ивентов, публикаций и распространение призывов к несетевым действиям и т.д.

Мы описали три идеальных типа нейронных слоев, каждый из которых включает в себя большое количество промежуточных, в целом и составляющих способную к обучению многословную и непрозрачную для наблюдателя нейронную сеть. Если более полно использовать метафору искусственного интеллекта, то можно предположить и наличие некоторых *тормозящих* связей. Ивент (например, регистрация митинга и распространение сетевых приглашений на него) как моторный ответ на сетевую коммуникацию воспринятого сетью события может, безусловно, вообще не состояться или вырождаться в малозначимое несетевое событие. Это, кроме прочего, зависит и от «весов» поступающих приглашений (близкие ли люди, влиятельные ли люди присылают приглашения, много ли поступает приглашений), и от веса самого ивента (верят ли участники в эффективность митинга), и, наконец, от веса самого события-триггера (скажем, скандального политического решения), но также и от того, сколько членов сообщества уже заявили об участии, неучастии или возможном участии или интересе. Понятно, что активация синапсов (приглашений) с малыми весами выступает тормозящим фактором и приводит к «засыпанию протеста».

Сетевой протест как самообучающаяся коммуникативная система

Более сложен вопрос о формах «самообучения сети». Представляется, что обучение сети запускается лишь в следующем «коммуникационном цикле». Оно является реакцией (и реакцией на реакцию) на те несетевые события, которые стали следствием сетевых обсуждений и реализации объявленных ивентов. Сеть эволюционирует, обнаруживая и переходя на новые формы и принципы обсуждения актуальной повестки, сохраняя (и даже радикализируя) свои символические медиа коммуникативного успеха (классические темы протеста), но меняя средства распространения своих сообщений. Так, возможны переходы с публичного обсуждения в закрытые мессенджеры и чаты. Или, напротив, трансформируются символические медиа коммуникативного успеха (скажем, протестная тема сменяется темой волонтерства и других видов непротестной гражданской активности и т.д.), но сохраняется ориентированность на публичное сетевое представление своих сетевых акций.

Здесь заложены классические механизмы положительной обратной связи. Так, на этапе инфляции протеста чем больше протестующих выходит на улицу, тем больший резонанс это приобретает в сетевых обсуждениях и, как следствие, тем больше протестующих выходит на улицу (и соответственно, наоборот). Более сложные механизмы самообучения, действующие прин-

ципы отрицательной обратной связи, способны прерывать этапы «раздувания» протеста, редуцировать и тормозить его актививность или, как вариант, менять сетевые формы протестного активизма.

Так, протестная система способна обучаться, например, реагируя на силовые действия властей¹, переориентируясь с публичной сети на закрытые мессенджеры, переходя из «ВКонтакте» в телеграмм-каналы и WhatsApp. Другой реакцией обучения может становиться переориентация с явного протестного активизма на гражданско-волонтерскую латентно-оппозиционную активность.

О нейронно-сетевой модели сетевого протеста

В заключение попробуем, используя метафору самообучающейся нейронно-сетевой модели, «формализовать» все вышеозначенные аргументы.

Мы выбираем «входящий слой» нейронов (своего рода мотивы), руководствуясь принципом дименсиализма, согласно которому всякий *запрос на контакт* в любой области коммуникации (в науке, политике, экономике и т.д.), прежде чем быть понятым, и как следствие, принятым или отклоненным, должен быть оцененным (= получить значение) в трехмерном коммуникативном гиперпространстве. Это пространство образуется несколькими измерениями:

– *предметно-тематическое измерение*: отвечая на сообщение, нужно понять, о чем идет речь и разделять интерес к данной теме;

– *временное измерение*: важно понимать, что явилось причиной данного предложения и какие будущие перспективы оно открывает (или закрывает);

– *социальное измерение*: принимая то или иное предложение к общению, следует учитывать, каково его «объединительное» значение для меня и для другого, для интеграции сообщества или (референтной) группы, с которой я хочу или не хочу себя идентифицировать.

Применительно к протестному движению его *ценностная программа* представляет его тему и образует *предметное измерение* протестной коммуникации. Это понимает и принимает запрос на контакт со стороны протестующего сообщества, если разделяет эту программу. Это могут быть ценности религии, справедливости, собственного этноса, свободы и т.д. Пусть это значение выражено таким символом:

Возможность найти единомышленников, участвуя в протестном движении, в свою очередь, придает определенное значение (больший или меньший вес) запросу на контакт со стороны протестующих (в социальном измерении

¹ Конечно, все несетевые события, в свою очередь, получают «обучающий вес» после их облачения в коммуникативную форму сетевого исчисления. Они предстают в виде «отчетов» о событиях со стороны самих участников или через восприятия чужого восприятия (через обсуждение заявлений властей о количестве участников акций, об их поведении, о действиях полиции и т.д.); на этом этапе оформляется *несетевая история протестной системы*: в сетях обсуждают (сколько задержано, сколько осуждено), при том что сами сетевые обсуждения пока не имеют своей истории (обсуждений).

протестной коммуникации). Пусть эта переменная будет представлена таким символом:

Но и «карьерные» (в самом широком смысле слова) перспективы рекрутируемого участника и его возможные позиции в «прекрасном будущем», конечно, тоже должны получить оценку, значит соучаствовать в принятии решения о подсоединении к протесту во временном измерении коммуникации. Пусть это значение выражено таким символом:

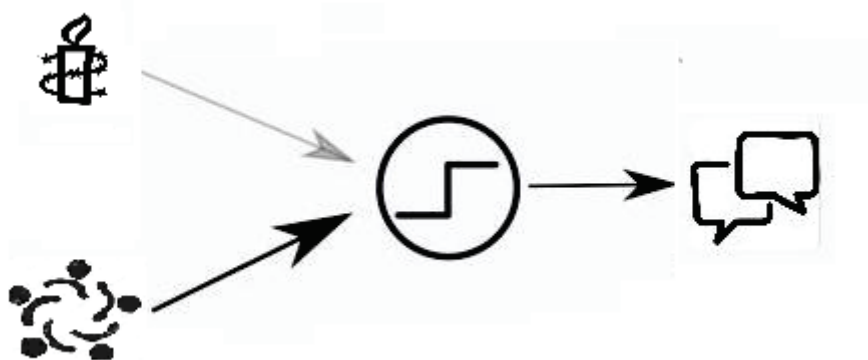
Мы отдаем себе отчет, что это избыточно абстрактная и лишь одна из многочисленных возможностей редукции всего многообразия мотиваций, определяющих решения участников. Но возьмем ее для начала, как фундаментально обоснованную в системно-коммуникативной теории, за неимением других универсальных методологических оснований.

Итак, наш «входной слой» нейронной сети символически выглядит так:

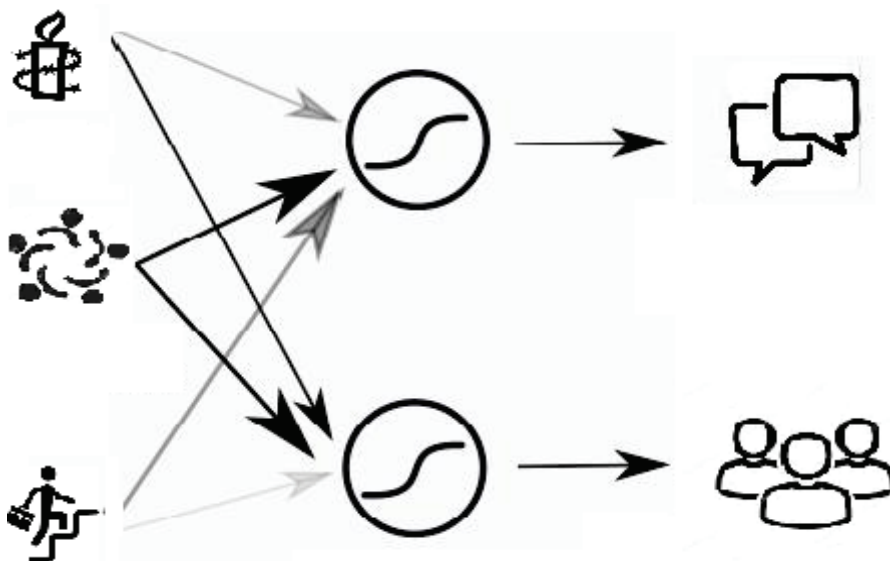

Если ценности движения мне близки и участники этого сообщества составляют референтную группу, которой я хочу подражать и в которой хочу состоять, тогда предметное и интегративное значения получают большой вес (единицу); в том же случае, если протестные ценности я не разделяю или общество использует способы общения, которые я не приемлю, эти переменные получают нулевое значение.

Если «вес» ценностей движения для меня высок, а поиск единомышленников не является центральным мотивом или выражен слабо (но все-таки я терпимо или без резкого отрицания отношусь к методам, используемой протестующими), то я все-таки позитивно отвечаю на приглашающий запрос или сам иницирую контакт. И наоборот, если я «очарован» групповой солидарностью движения, но ценность или главная тема обсуждения мотивирует меня слабо, я могу начать общение и *совместное обсуждение* протестной или активистской повестки:

Однако результатом воздействия заявленных факторов может быть не только обсуждение (лайк, комментарий, пост как функции сетевой репликации вирусного типа), но и фактическое *вступление в группу, создание собственной ячейки группы или сообщества*:

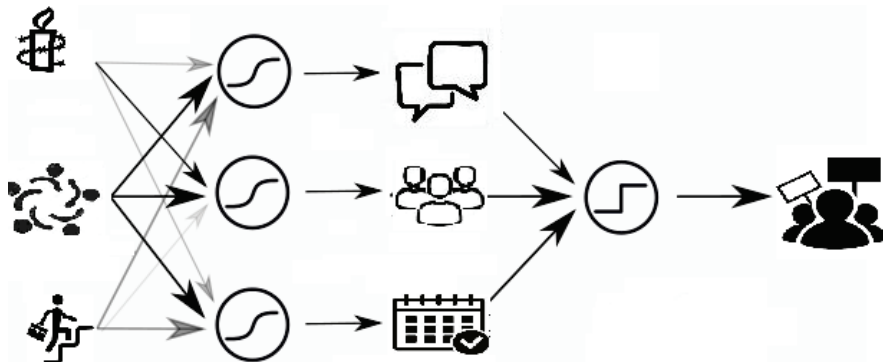

Добавим еще элементы в нашу модель. Например, некое подобие «активации моторных нейронов», т.е. сетевую активность, направленную не только на обсуждение, но и на реальные несетевые действия, призывы выходить

на улицу, создание собственного ивента, и т.д. Эти факторы различаются для разных сообществ. Пусть «двигательный нейрон» (ивент) выглядит так:

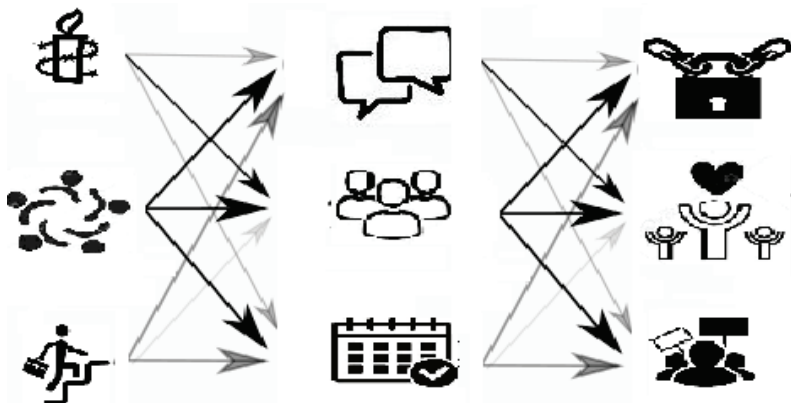

На третьем этапе интенсивность сетевого обсуждения, интенсивность создания сообществ, объединенных общей тематикой, и интенсивность призывов к выходу на улицу как условие несетевых действий должны получить достаточный вес, чтобы запустить «моторные функции»:

При этом наша сеть может учиться и в качестве некоего механизма обратной связи должна иметь возможность либо переформатироваться, либо выбирать в качестве рецепторной реакции на первичные исходные данные иные «моторные» реакции, например переход к закрытым способам коммуникации (закрытые группы, мессенджеры, телеграм-каналы), либо идти по пути гражданского волонтерства и стратегии малых дел как некоего предуготовительного этапа ожидания ослабления давления со стороны политической системы.

Ответы самообученной сети теперь таковы: (1) в случае внешней жесткой силовой реакции «не пойду на улицу, а уйду в подполье (= закрытое сообщество)»; (2) пойду на улицу, но не протестовать, а делать «малые дела», помогая близким; (3) все-таки пойду на улицу, вопреки своим страхам:

Выводы

Итак, более или менее понятно, каким образом происходит «принятие решений» такого рода протестным квазисубъектом. Это, безусловно, не является решением руководителя организации. Но каким образом происходит обучение сети принятию «правильных решений»? Наш ответ состоит в том, что не существует правильных или неправильных, но есть эволюционно-адекватные или неадекватные решения. Последние просто приводят к завершению (т.е. к прекращению воспроизводства) той или иной последовательности коммуникаций.

Так, на стадии эволюционной вариативности возникает три вышеозначенных возможных ответа на средовые условия. На стадии их селекции (выживания), очевидно, продолжение уличного протеста является (в силу страхов репрессий, деморализации и демотивации от нереализованности изначальных мотивов) маловероятным. Между тем волонтерство с «оппозиционным уклоном» и продолжением петиционной активности в сети способно не только «быть отобранным» на эволюционной стадии *естественного* отбора, но и получить в данных внешнесредовых условиях формы регулярного воспроизводства, т.е. эволюционно *стабилизироваться*.

Видимо, на некоторый период именно этот ответ будет наиболее вероятным следствием самообучения новых социальных движений. Но этот ответ, очевидно, не реализовываться *всеми* сетевыми группами, поскольку некоторые протестные ценности (в особенности экстремистские и радикальные) просто могут и не иметь соответствующих их ценностям волонтерских форм. В этом смысле «сетевое подполье» как раз и будет характерным ответом радикальных и экстремистских протестных групп, не имеющих несетевых возможностей для несетевой волонтерской самореализации. Это обстоятельство, видимо, до некоторого времени будет препятствовать созданию общей протестной мотивационной темы, т.е. появлению у протеста обобщающего символического медиума коммуникативного успеха, и, как следствие, формированию полноценной коммуникативной системы протеста.

Литература

1. Антоновский А.Ю., Бараи Р.Э. Системно-коммуникативные исследования социальных движений // Философский журнал. 2018. № 2. С. 91–105.
2. Бараи Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 18–33.
3. Touraine A. An introduction to the study of social movements // Social Research. 1985. Vol. 52, № 4. P. 749–787.
4. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics. London, New York : Verso, 1985. 240 p.
5. Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // Social Research. 1985. Vol. 52, № 4. P. 817–867.
6. Luhmann N. Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1996. 216 S.
7. Бараи Р.Э., Антоновский А.А. Коммуникативная философия радикального протеста // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27–38.
8. Newman M. Networks. An Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2010. 784 p.
9. Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. № 62 (2). P. 363–379.
10. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, № 5. P. 739–768.

11. Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London : Pluto Books, 2012. 208 p.
12. Castells M. Communication Power. Oxford, New York : Oxford University Press, 2009. 571 p.
13. Monge P.R., Contractor N.S. Theories of Communication Networks. Oxford : Oxford University Press, 2003. 432 p.
14. Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences). Cambridge : Cambridge University Press. 1994. 857 p.
15. Gould R. Power and social structure in community elites // Social Forces. 1989. Vol. 68, № 2. P. 531–552.
16. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. New York : Free Press, 2003. 551 p.
17. Easley D., Kleinberg J. Networks, Crowds, and Markets : Reasoning About a Highly Connected World. New York : Cambridge University Press, 2010. 744 p.

Alexander Yu. Antonovskiy, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: antonovskiy@hotmail.com

Raisa E. Barash, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Institute of Logic, Cognitive Sciences and Personality Development (Moscow, Russian Federation).

E-mail: raisabarash@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 5–20.

DOI: 10.17223/1998863X/50/1

SOCIAL NETWORK MOVEMENTS AS A METAPHOR OF THE ARTIFICIAL INTELLECT

Keywords: protest; new social monuments; science; system-communication approach; neuronal networks; communication.

The article is devoted to the contemporary context and features of the new social movements' inner communication. The authors pay special attention to the conceptual meaning and consequences of the activists' use of the digital communication. Judging upon the theoretical and methodological approaches to the study of the activists' communication, the authors note that protest activity is seen as a reaction on the failure of communicative practices. But such an interpretation negates the constructive components typical for the current civil activity as a subject of communication of a new type. It is noted in the article that contemporary civil activity is based on the principles of a personal initiative inclusion rather than on a formal organizational membership like during the pre-digital era. Based on the ideas of the systemic communicative theory, the authors propose to consider civil activism as invariant communicative structures and note that activity's coordination is ensured by the discourse of activists' discussion or action. The authors claim that such a mechanism of coordination of the activists' organization could be interpreted as the priority of quasi-artificial intelligence in which specific "neurons" (that are represented by activists or discussion communities) communicate with discussion centers (these are network associations) through quasi-synaptic mechanisms (that are represented by the reaction to problems or events indicated in social networks). As it is noted in the article, if the reaction variety to "digitally discussed" events intensifies, several quasi-neural levels are formed (these are the levels of the network reaction to external network events, of the reaction to the reaction to non-network events, of active discussion). In turn, if activist unions are regularly disturbed by low-weight quasi-synaptic mechanisms (message of an insignificant or fake character), the protest communication reduces. The authors note that the horizontal rhizomatic structure of traditional activist movements, their decentralization and the low formalization of protest mobilization during the pre-digital era were objectively limited by the weak internal consolidation of associations. Asking a question about the conditions of network communities' coordination of their activity, the authors propose to reconstruct the activity of social networks by analogy with the structure of the organic nervous system or with the work of a complex mechanism. It is noted in the article that the "network" formed by the activist communication moves the internal logic of the participants' communication into a new more ordered format. It mainly concerns the making of collectively-binding decisions. The network mechanism of decision-making that is used by contemporary activist associations helps to compensate the deficit of central governance structures that was typical for the pre-digital era. As the authors note, the "self-learning" of the communicative system becomes possible due to the activist network's response to non-network events. That thus corresponds to the classical mechanisms of a positive feedback when more participation in activist actions generates a more active network's discussion of the actual context.

References

1. Antonovsky, A.Yu. & Barash, R.E. (2018) A study of social movements from the systemic communication standpoint: is a scientific theory of political protest possible? *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 2. pp. 91–105. (In Russian). DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105
2. Barash, R.E. & Antonovsky, A.Yu. (2018) Radical science. Are the scientists capable of social protest? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(2). pp. 18–33. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201855223
3. Touraine, A. (1985) An introduction to the study of social movements. *Social Research*. 52(4). pp. 749–787.
4. Laclau, E. & Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical and Democratic Politics*. London, New York: Verso.
5. Offe, C. (1985) New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research*. 52(4). pp. 817–867. DOI: 10.1007/978-3-658-22261-1_12
6. Luhmann, N. (1996) *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp.
7. Barash, R.E. & Antonovsky, A.Yu. (2018) The Communicative Philosophy of Radical Protest, its Genesis and Positive Research Program. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 27–38. (In Russian).
8. Newman, M. (2010) *Networks. An Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
9. Tufekci, Z. & Wilson, C. (2012) Social media and the decision to participate in political protest: observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*. 62(2). pp. 363–379. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x
11. Gerbaudo, P. (2012) *Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Books.
12. Castells, M. (2009) *Communication Power*. Oxford, New York: Oxford University Press.
13. Monge, P.R. & Contractor, N.S. (2003) *Theories of Communication Networks*. Oxford: Oxford University Press.
14. Wasserman, S. & Faust, K. (1994) *Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences)*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Gould, R. (1989) Power and social structure in community elites. *Social Forces*. 68(2). pp. 531–552. DOI: 10.1093/sf/68.2.531
16. Rogers, E.M. (2003) *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press.
17. Easley, D. & Kleinberg, J. (2010) *Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World*. New York: Cambridge University Press.